

Камень жизни

Ярослав Гашек

В лето от рождества Христова 1460-е игумен Штальгаузенского монастыря в Баварии возносил тайные молитвы всевышнему и всемогущему подателю разума о ниспослании духа святого, который помог бы ему, игумену Леонардусу, отыскать философский камень и эликсир жизни.

Перед ним пылал огонь, нагревавший пузатую реторту, где, шипя, варилось какое-то снадобье, а рядом стояли тигли, которым предстояло принять в свои недра окончательно растопившееся вещество, чтобы можно было выпарить твердый осадок.

Игумен Леонардус умиленно взывал к милосердному господу, моля его взглянуть на своего смиренного служителя, который, не покидая путей благодати, не обращаясь за советом к дьяволу и не призывая на помощь нечистую силу, ищет философский камень и жизненный эликсир.

А из соседней трапезной доносился исступленный вопль монахов, оглашавших строгие готические своды хоровым чтением: «Pater noster, qui est in coelis»¹.

Дружно скандируя каждый слог, они старались перекричать друг друга, голодные и сердитые, так как игумен ради их же спасения сильно ограничил их всех, кроме самого себя, в пище и питье.

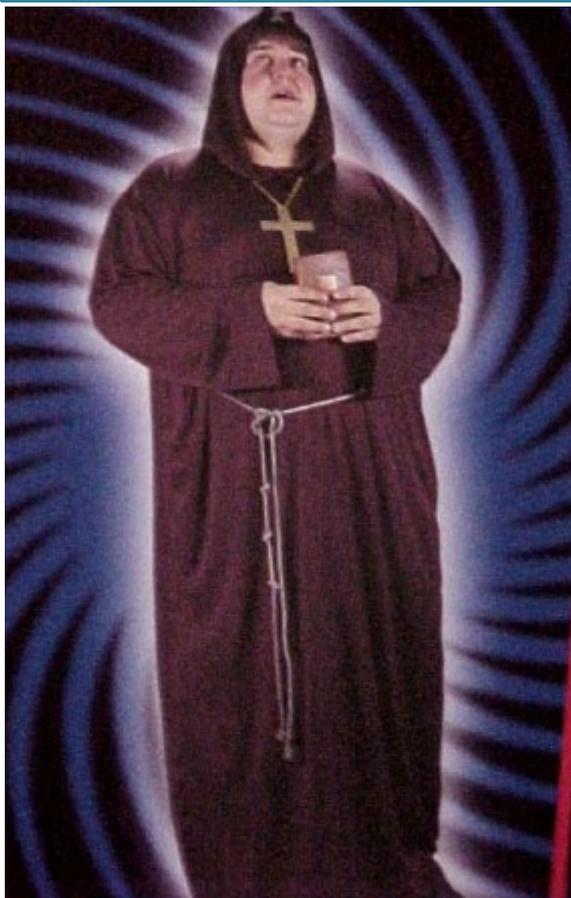
Открыв дубовые двери в трапезную, отец Леонардус с просветленным лицом произнес:

— Молитесь до захода солнца!

Потом вернулся в свою алхимическую лабораторию, преклонил колени на скамеечке перед распятием и, словно в экстазе, стал молиться:

— Господи боже, спаситель мой, ниспошли луч света на раба твоего, просвети его мысли, чтобы найти ему жизненный эликсир, во спасение христианам, и философский камень. И укажи мне, господи, не грех ли будет опустить ныне в эликсир сей пепел от сожженного еретика, который держал у себя черного кота, ходившего на двух ногах и сожженного нами вместе с его одержимым бесовской силой хозяином в честь и славу твою в день храмового праздника у ворот штальгаузенских. А я поступлю по воле твоей.

¹ «Отче наш, иже еси на небесах...» (лат.).

thedailyprofaner.com

Бог не послал знамения. И отец Леонардус сварил пепел сожженного еретика-чародея вместе с пеплом его кота. Потом, тихо вторя завываниям монахов, читающих в соседней трапезной «Отче наш», вылил содержимое реторты в тигли, поставил их на таган и с сердечным, благодатным умилением принялся выпаривать осадок.

Снова спустился сумрак, и отец Леонардус пошел в трапезную, предоставив огню в каменном очаге кипятить клокочущую и шипящую массу.

В трапезной он проникновенным, отечески ласковым голосом сказал монахам несколько слов о божьем милосердии, а затем отпустил их отдыхать, приказав им всем, прежде чем возлечь на свои жесткие ложа,

подвергнуть грешную плоть взаимному душеспасительному бичеванию. Наконец, преклонив колени перед неугасимой лампадой, зажег факел и вышел во двор.

Он пошел осматривать монастырское хозяйство, этот милый игумен-хлопотун. Навестить поросят в хлеву: как они себя чувствуют? Вчера они выглядели очень плохо.

Отец Леонардус подозревал, что монахи, тяготясь наложенным на них постом, добрались до каши из отрубей, предназначенной свинкам, и питают ею свои грешные утробы, гневя бога и обкрадывая бедных тварей. За последнее время свинки заметно похудели. Это были уже не прежние славные круглые бочонки, такие розовые, аппетитные, что отец Леонардус пел во славу их псалмы, воздавая хвалу создателю. Этим милых божьих созданий было сорок — ровно столько, сколько монахов. Значит, если сорок монахов съедали с ненавистью пищу, приготовленную для сорока свиней, как же можно было ждать, чтобы бедняжки весело похрюкивали на дворе святой обители, оживляя отголосками живой жизни и молодости угрюмую монастырскую тишину.

Пламя факела озарило бедные создания красным светом. Узнав своего пестуна, они захрюкали так печально, что у доброго игумена сжалось сердце.

— В каком виде, о братья, предстаете вы предо мной? — скорбно воскликнул

старец, глядя на их исхудалые тела; он прослезился и вздохнул.

Потом, увидав пустые корыта, послал проклятие по адресу монахов и пошел звонить в колокол.

Когда монахи опять собрались в трапезной, он обратился к ним с такою речью:

— Вы бичуете бранные тела свои, а сами обкрадываете свиней и нарушаете посты? Бог накажет вас. На колени, негодяи!

Как бы вознесенный над толпой, с лицом, озаренным лучами неугасимой лампы, он воскликнул:

— Покайтесь, жалкие свиньи!

И под пение монахов, затянувших «Misericordia!» («Помилуй нас!»), спустился в погреб, где, скрипнув зубами, испил чару вина.

Вернувшись в трапезную, он объявил монахам, что пошлет их пешком в Рим, к папе Иннокентию III — просить прощения у главы христианского мира.

Потом велел идти спать.

А сам пошел в темную каморку, где производил свои опыты, и, сунув факел в очаг, стал рассматривать оставшееся после выпаривания вещество. Оно было тяжелое, с металлическим блеском.

Отец Леонардус побледнел. Нет, это не философский камень: в старинной книге, принадлежавшей сожженному чародею, сказано, что философский камень должен быть прозрачен и невесом. А ведь землю для своих опытов он взял с того холма возле Штальгаузена, где прежде была каменоломня и в великую пятницу, говорят, появляется светлое сияние.

Он упал на колени и заплакал. Устремив взор на распятие, и ударив себя в грудь, промолвил смиренно:

— Вижу, боже, спаситель мой, что я не достоин твоих милостей!

Потом взял оказавшийся в тиглях зернистый порошок, вынес его во двор и там высыпал.

После этого монахи еще несколько дней постились и худели, так как заботливый игумен, хлопоча о душевном их спасении, следил, чтобы они не трогали каши, предназначенной свиньям.

А свиньи удивительно раздобрели. Трудно даже себе представить, чтобы можно было так быстро разжесться после такой длительной голодовки. И чем больше худели монахи, тем быстрее поправлялись свиньи. Это просто бросалось в глаза.

И вот однажды отец Леонардус увидел, что свиньи чего-то ищут во дворе, что-то

жуют. Подошел поближе: оказывается, они подлизывают получившийся вместо философского камня и выброшенный им во двор порошок.

Он вошел в часовню и пал на колени. Ему сразу стало ясно, что господь смилостивился над ним и он открыл камень жизни — не жизненный эликсир и не философский камень, а питательное средство, животворящий, бодрящий экстракт.

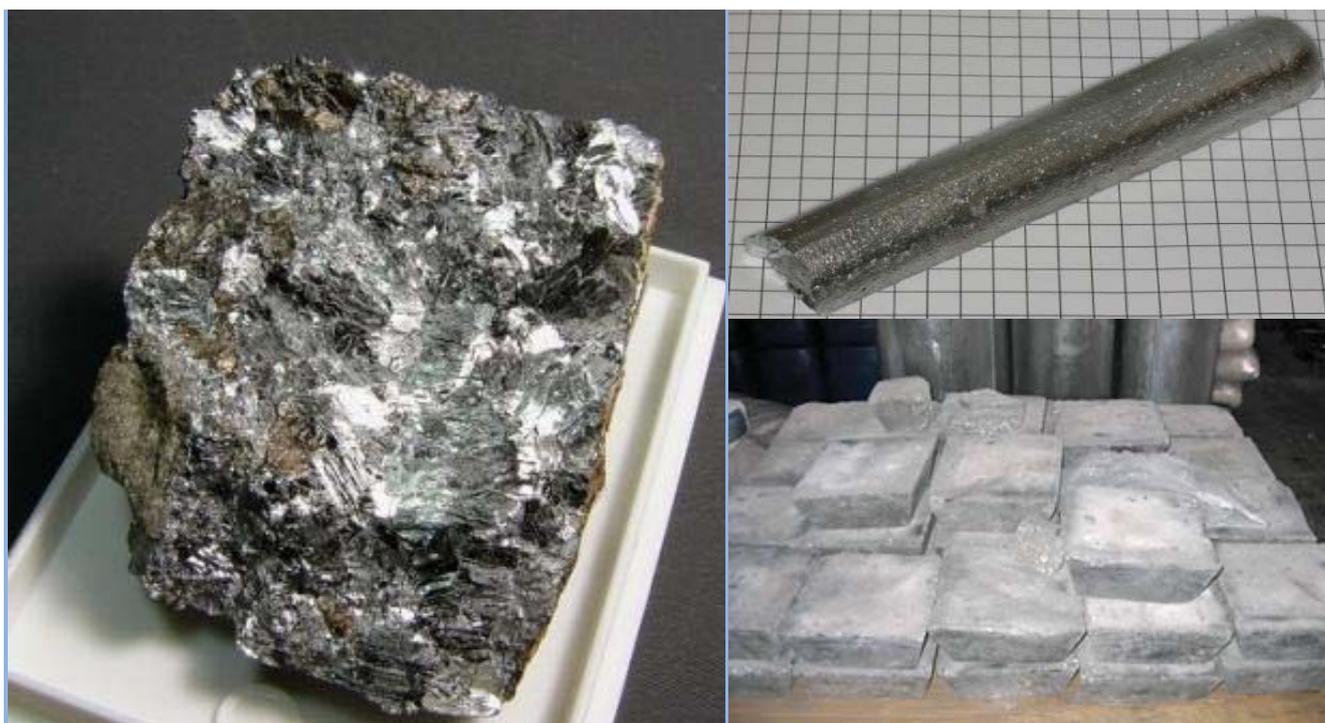
В тот же день он пошел с несколькими монахами на служивший лобным местом холм возле Штальгаузена за землей, необходимой для добычи камня жизни.

Когда этого камня был приготовлен порядочный запас, игумену Леопардусу стало жаль своих бедных, исхудалых монахов. Ему захотелось, чтобы они тоже потолстели, как свиньи: он велел добавить в предназначенную для них черную кашу истолченного в порошок камня жизни и, лакомясь поросенком, с радостью наблюдал, как охотно они ее поедают.

К утру все сорок монахов скончались в страшных мучениях, и отец Леонардус остался один.

Камень жизни был не что иное, как сурьма. Ее открыл в 1460 году игумен Штальгаузенского монастыря в Баварии Леонардус, назвав ее в шутку по-латыни «антимонием» (то есть средством «против монахов»).

Сам отец Леонардус и в дальнейшем всю жизнь разводил свиней, которым сурьма не только не вредит, но от которой они толстеют,— так что по желанию германского императора ему был пожалован графский титул.

Сурьма

catalogmineralov.ru periodictable.ru и splavtorg.ru